

Красные голуби

В тот день, когда прилетели красные голуби, плотник Эрнст вместе с кузнецом Георгом возились с плугом. Эрнст говорил, что плужное дышло из лавра меньше подвержено гнили, а Георга, поскольку ковать было нечего, да и кузница еще не была прибрана, приставили к нему в помощники.

Каждый, кто трудился здесь, знал: кузнец прибыл из «другого места». Обитатели поместья сгорали от любопытства: что это за мир такой? Похож ли он на их собственный или отличается как небо и земля? Есть ли там другие лорды? Георг же, поклявшийся Фарфадэ не разглашать тайны иных земель, страдал неимоверно. Ему приходилось напускать на себя загадочный вид и хранить молчание. Именно поэтому кузнец, который по природе своей тянулся к собратьям по ремеслу, предпочитал работать с Эрнстом. Эрнст не лез в душу и не задавал лишних вопросов — должно быть, именно за это качество он когда-то и выбрал ремесло плотника.

Раз нельзя было говорить о прошлом, Георг не упускал случая поворчать о настоящем. Обстругивая древесину, он ворчливо бормотал:

— Как по мне, грех жаловаться. Хозяин у нас щедрый... Ха! Никогда бы не подумал, что встречу такого парня...

Слыша это, можно было подумать, что при жизни он натерпелся от землевладельцев, вечно забывавших платить по счетам. Впрочем, чувства Георга были понятны всем: кузнец всегда жил куда богаче простого крестьянина. Здесь же собрались люди, не знавшие друг друга в прошлой жизни: праздные гуляки, не привыкшие к дисциплине; те, кто в глаза не видел знатных господ, общаясь лишь с деревенским старостой по вопросам налогов; и дети, которые и вовсе ничего не ведали о мире. Последние были вполне довольны тем, что их досыта кормят один или два раза в день, и лишь слегка печалились, что их тела больше не растут.

Несмотря на привычку придирчиво оценивать окружающих, этот склонный к полноте кузнец был вполне покладист. Силы ему было не занимать: подсобить с водой или перетащить тяжести для него не составляло труда.

Когда второй плуг уже начал обретать очертания, Георг внезапно насторожился. Они сидели в галерее внутреннего двора, где не нужно было тратить свечи. Кузнец прищурился, вглядываясь в небо, и через мгновение его лицо исказилось от ужаса.

— Это... это голуби! — вскрикнул он.

— Голуби? — Эрнст недоуменно поднял голову. — И чего в них страшного?

— Это красные голуби! Красные голуби!

Сперва в вышине виднелась лишь крошечная точка — она подрагивала, то опускаясь, то поднимаясь. Но вскоре шум хлопающих крыльев заполнил всё пространство, создавая иллюзию гомона огромной толпы, хотя вокруг не было произнесено ни слова. Плотная, закрывающая солнце стая багряных птиц надвигалась, словно прилетевшее издалека грозное облако. Это была пышная, кричащая красота, которой не место в этом сером мире. Она затапливала зрачки, и странное безумие проникало в самую глубину сердца. В сознании каждого, подобно удару колокола, забились одна-единственная фраза: «Красные голуби близко!»

И тут же другая, более властная и юная мысль, ворвалась в разум: «Всем немедленно вернуться в дом!»

— Что происходит?

Гвидо отыскал Фарфаноэрс в наступившей суматохе. Юноша как раз собирался выйти наружу, чтобы оценить обстановку. Завидев старика, он немного смягчился.

— Это красные голуби... Проклятье, эти твари сеют страх.

— Сеют страх?

Будь это чума или любая иная хворь, Фарфаноэрс не ведал бы трепета, но страх... Страх не входил в сферу его власти. Он велел всем спрятаться и плотно зашторить окна. Если возможно — забиться под одеяла вместе с товарищами. И тогда началось невообразимое: мужчины и женщины, прежде не ладившие между собой, теперь, подстегиваемые ужасом и приказами, нехотя прижимались друг к другу, ища спасения в объятиях. Трое детей, всегда друживших, сбились в кучу быстрее всех. Даже Адама, которого никто особо не жаловал, принесло следом.

— Эй, что за кипиш? Чем я могу помочь? — выпалил он.

Видно, стойкость перед страхом у всех была разной. Возможно, дело в том, что и алхимик, и разбойник при жизни привыкли ходить по краю могилы. Неизвестно, как бы держался Вирадуан... Но Вирадуан ушел в поход и еще не вернулся!

«Проклятье, кто же вырастил этих паршивых птиц!»

...Погодите. Кого он хотел сейчас вспомнить?

Имя, словно острая заноза, застряло на кончике языка, но сорваться с него никак не могло. В этой кутерьме мысли лорда внезапно испарились. В голове стоял гул, отсекающий его от остальных. Плащ юноши, только что развевавшийся от резких движений, бессильно опал.

— Господин...

Кто-то окликнул его. Он очнулся. Перед ним на коленях стояла Хельзе, которая должна была прятаться вместе со всеми. Черноволосая женщина смотрела на него снизу вверх, и в её изумрудных глазах читалась неприкрытая тревога.

— Господин, что нам теперь делать? — дрожащим голосом спросила она.

Последними в дом ввалились те, кто работал в поле. Их глаза налились кровью, тела била крупная дрожь; они не подпускали к себе никого. Фарфаноэрс резко обернулся:

— Адам, выруби их.

— О! Ну, это я мигом! — Адам был крепок и силен, ростом даже выше Вирадуана. Его кулаки тяжело обрушились на несчастных; в считанные мгновения он уложил всех, включая Эрнста.

— Спрячься, — бросил юноша.

В его глазах вспыхнул алый огонь, лицо стало ледяным. Глубоко вдохнув, он распахнул тяжелые двери и вышел на порог. Красные голуби еще не улетели. Эти твари, разносящие кошмары и собирающие жатву страха для своего господина, эти животные, которым не место в его владениях... Фарфаноэрс соединил ладони, соприкоснувшись кончиками пальцев, и поднес указательные пальцы к губам.

— Нинифорбис, я сделаю так, что твои птицы никогда не вернутся домой!

Низкий, зловещий голос юноши утонул в шуме крыльев. Отовсюду — из его рукавов, из завязанных в узел волос — посыпались сороконожки, ядовитые скорпионы и пауки. Он выдохнул, и смертоносный туман нежно-розового цвета начал расползаться по двору.

Владыка мора, первоисточник тления, демон скорпионов — Фарфаноэрс.

От густой сыпи и гниющих язв перья птиц начали осыпаться. Одна, вторая, третья... Красные голуби по природе своей были весьма устойчивы к болезням, но юноша хладнокровно выбрал тактику точечного поражения. Искусство заражения было для него врожденным инстинктом; он непрестанно вносил едва заметные изменения в самую суть хвори. Конечно, это влияние задевало и его самого, но Фарфаноэрсу было не занимать терпения.

Почуввав неладное, стая быстро перестроилась и, сменив направление, устремилась прочь. Кровавый прилив, только что затопивший небо, начал отступать.

Внезапно на него навалилась нечеловеческая усталость. Единовременное распространение

столь мощной заразы потребовало огромных сил, а наградой стали лишь груды мертвых птичьих тушек. Пошатываясь, он опустился на ступени замка — точь-в-точь как в свой самый первый день здесь. Он долго приходил в себя, на мгновение провалившись в забытие. Странно: демонам ведь не нужен сон! К тому же он вспомнил кое-что о Нинифорбисе. «Фарфаноэрс» не знал этого демона лично, лишь слышал о нем краем уха. Подобно тому как сам юноша олицетворял чуму, Нинифорбис был воплощением страха... Где он это слышал? Неясно. Это становилось проблемой, причем во многих смыслах.

Он чувствовал себя переписчиком, утратившим оригинал свитка: осознание происходящего приходило к нему только тогда, когда события уже разворачивались перед глазами. Это рождало в душе смутную тревогу.

«Мне нужно больше...» — Он поднял руку. Следовало отозвать ядовитых насекомых, но разве не должен он позволить им ползти дальше в замок? Заразить слуг, что сейчас беспомощно прячутся в своих постелях...

— Господин Фарфаноэрс!

От этого крика он резко очнулся.

«О чем я только что думал?!» — Лорд открыл глаза. Перед ним стоял тот, кого он никак не ожидал увидеть так скоро. Вирадуан выглядел изнуренным, а на его одежде виднелись семена трав из далеких краев.

Юноша поднял голову и заметил, что на небе уже воцарилась черная луна.

Вирадуан заметил багряное марево еще издалека. Не понимая, что это, он первым же делом приказал людям искать укрытие. К счастью, во время прошлых переходов они приметили подходящие пещеры и дуплистые деревья, что и спасло им жизнь.

Как только стая красных голубей скрылась из виду, он велел всем на пределе сил возвращаться в замок. Когда они наконец добрались, их встретило жуткое зрелище: повсюду валялись дохлые птицы, в которых уже копошились мириады личинок, а сам лорд сидел на ступенях, отрешенно глядя в пустоту.

— Я опоздал. Простите меня, — Вирадуан приказал отряду ждать и, приблизившись, осторожно опустился на одно колено перед юношей. Он склонил голову и закрыл глаза.

Младший демон что-то невнятно пробормотал, и его голова бессильно качнулась, неслабо напугав рыцаря. Но вскоре Фарфаноэрс ответил хриплым, ломающимся голосом:

— Всё уже в порядке. Вели остальным прибраться... К голубям не прикасаться. Сгребите их лопатами в кучу и сожгите.

Он попытался встать, но Вирадуан подхватил его под руку. Рыцарь действовал уверенно и бережно: он лишь крепко поддерживал лорда за локоть, создавая видимость того, что тот идет сам, хотя на деле Вирадуан принял на себя почти весь его вес.

«Какая выучка», — подумал Фарфаноэрс, но вслух ничего не сказал. Слишком много сил уходило на то, чтобы просто подавить дурноту.

Нападение красных голубей не прошло бесследно: трое обитателей поместья впали в тяжелый бред. Тот, чье состояние было легче, пришел в себя спустя три дня. Двое других до сих пор забивались в углы, не узнавая никого вокруг.

Сначала даже несколько взрослых мужчин не могли с ними совладать: безумцы никого не подпускали, яростно отбивались и отказывались от еды. На какой-то день Синтия, отправившаяся проверить их, едва не лишилась чувств от ужаса. Эти двое мужчин... они вырывали и пожирали кишки друг друга!

— Жрать хотите — я всё понимаю, но это уж чересчур! — Адам, отличавшийся самым крепким духом, отвесил каждому по увесистому пинку, чтобы разнять каннибалов.

Вид крови и развороченных животов внушал тошноту. Синтия зашлась в истошном крике.

— Девчонка, да замолчи ты! Господи... нет, господа поминать сейчас не к месту. Эй, ты меня слышишь?!

— Неужели это от голода? — пробормотал Гвидо с чисто исследовательским интересом. — Странно... прошло всего четыре дня. Даже на земле, если просто пить воду и ничего не делать, человек не доходит до такого состояния.

— Сейчас это не самое важное, — Вирадуан потер виски, чувствуя подступающую головную боль.

В конце концов вмешался кузнец. Всё это время он собирался с духом. Во-первых, после того дня лорд заперся у себя и никого не принимал, а Вирадуан вечно был занят по горло, так что Георг не мог просить разрешения. Во-вторых, привычка не совать нос в чужие дела стала для него почти инстинктом. Он думал, что промолчит до конца, но в итоге решил сделать хоть что-то... раз уж здесь и впрямь оказалось неплохое место для жизни.

— Нужно пригвоздить их руки и ноги железными прутьями. Раскаленными и смазанными маслом, — сказал он, тяжело дыша. Георг сперва сходил на кухню и одолжил у Гуся-монстра длинные шампуры. — Так им станет легче.

— Ты хоть понимаешь, что несешь? — сурово спросил Вирадуан.

— Понимаю, всё я понимаю. Ничего страшного, никто не умрет. Мы ведь и так уже мертвы, верно? На них пало не одно проклятие: страх, а следом и нещадный голод. Не стоит недооценивать такие беды. Кровопускание — отличный способ борьбы с этим... Конечно, чтобы излечить страх, нужна еще особая трава... Но она мгновенно растворяется в слюне, поэтому нам понадобится вот это.

Он вытащил некое подобие длинного полого стержня с желобком.

— Траву нужно растереть, смешать с вином, а затем вставить эту трубку прямо в желудок... Да, прямо туда. Чтобы целебное вино лилось сразу внутрь.

Вирадуан никогда не слышал о столь варварских методах лечения. Гвидо же первым задал вопрос:

— Трава? Какая трава?

— Вот этого я уже не знаю...

— Свойства? Форма?

— Ох... Края зубчатые, сама фиолетовая... Как называется — вылетело из головы...

— Возможно, это ложная повелика.

Раздался усталый голос. Все обернулись к вошедшему лорду.

— Она должна быть у стен замка... прячется прямо под розами...

<http://bllate.org/book/16116/1583326>